

Канун Нового года.

В Цзиньлине царила тревога. Весь город погрузился во тьму, и лишь императорский дворец по-прежнему сиял огнями. Кругом усилили охрану.

Юньци и Тоба Фэн прекрасно знали столицу. Они вошли в воды реки Циньхуай и один за другим проплыли в город.

С громким всплеском Тоба Фэн вынырнул на берег, развернулся и вытащил Юньци. Оглядевшись вокруг, они поняли, что оказались у западного водного прохода. Торговые суда уже стянули в южную часть города, и здесь было пусто. На воде лишь одиноко качалась пара обветшалых сампанов.

Юньци несколько мгновений переводил дух. Был разгар зимы, и от ледяной воды его губы посинели. Тоба Фэн снял верхнюю одежду и, прижав Юньци к груди, обнял его. Они простояли так некоторое время, прислонившись к стене, пока Юньци постепенно не начал согреваться. Его зубы всё ещё стучали.

— Разделимся?

— Нет, — спокойно ответил Тоба Фэн. — Ши-гэ слишком долго не был в столице и уже забыл дорогу.

Юньци беспомощно улыбнулся, понимая, что Тоба Фэн всё ещё переживает, что тот вернется во дворец. Ему пришлось сказать:

— Присядь, подставь мне своё плечо.

Тоба Фэн оперся руками на колени и слегка наклонился. Юньци запрыгнул ему на спину, достал из-за пазухи угольный стержень и размашистым почерком вывел на створе реки Циньхуай иероглиф «Юнь».

Тоба Фэн, неся на спине Юньци, выдохнул белое облачко пара, и они вместе стали пробираться по улицам и переулкам Цзиньлина.

В полуночной тьме Юньци с трудом различал очертания перекрёстков. В глубине переулка таилось место, хранившее воспоминания о его детстве.

Там стояла старушка с шестом для лапши на плечах. Она наложила дымящейся говяжьей лапши, посыпала её мелко нарезанным зелёным луком и протянула миску Тоба Фэну.

Тоба Фэн взял палочки и передал их маленькому Юньци. Присев рядом, он смотрел, как

мальчик ест.

— Когда приходит война, всё исчезает, — с грустью вздохнул Юньци.

Тоба Фэн остановился, ответив:

— Это как ростки пшеницы в поле — они снова медленно взрастут.

Юньци выпрямился и написал иероглиф «Юнь» на воротах одного из домов.

За ними висел фонарь с иероглифом «Ту» — это был дом Ту Мина.

За пределами переулка Уи:

— Говоришь, не был в столице шесть лет, а всё так же хорошо знаешь дорогу, — поддразнил его Юньци.

Тоба Фэн лишь улыбнулся в ответ и снова остановился, прямо перед главным входом в Терем Танцующего Дыма.

Терем Танцующего Дыма рано закрылся. Несколько местных девиц, потягивая курительную трубку, собрались за одним столом играть в маджонг. За другим столом юные певички лепили пельмени. Тёплый жёлтый свет просачивался сквозь оконные решётки.

Юньци на мгновение замешкался. Он не знал, прошли ли уговоры Сюй Вэнь успешно, но всё же оставил метку у главного входа в заведение.

Чунь Лань, пожеывая конфету, сквозь окно смутно различила чью-то фигуру и, бросив карты, поспешно выбежала наружу.

— Ты... — Чунь Лань с изумлением воскликнула. — Зачем ты вернулся?! Императорский двор назначил за твою голову огромную награду! Скорее уходи!

Юньци усмехнулся:

— Завтра всё закончится. Передай тётушкам*, что что бы ни случилось снаружи, ни на шаг не выходили из здания. Вы будете в безопасности.

* В значении содержательница (хозяйка) публичного дома; старшая проститутка (□□).

Чунь Лань стояла у входа, закутавшись в соболиную шубу. Она спросила:

— А что ты собираешься делать?

Юньци с улыбкой развернулся. Он приник к спине Тоба Фэна, и мужчины постепенно скрылись вдаль. В небе начали кружить мелкие снежинки.

У шестого переулка:

Фонарь у ворот усадьбы семьи Цзян погас. Юньци спрыгнул на землю и при свете другого фонаря начертил иероглиф. Заметив, что Тоба Фэн несколько раз подпрыгнул и ухватился рукой за ограду, он не выдержал и спросил:

— Что случилось?

Тоба Фэн сделал жест «тише» и поманил Юньци. Прильнув к стене, шисюнди заглянули во двор усадьбы семьи Цзян.

Все домашние слуги уже были распущены. В главном зале тускло горела масляная лампа. Цзян Хуань стоял в комнате, сложив руки за спиной, и его постаревшее лицо вполборота было обращено к Су Ваньжун.

Она вздохнула:

— В твои-то годы тебе всё ещё приходится рисковать жизнью ради семьи Чжу. Если я уйду одна, то разве смогу со спокойной душой оставить тебя?

Цзян Хуань сурово произнес:

— Я ещё не настолько стар, чтобы не быть в состоянии поднять меч Сючунь! Раз Юньци, этот щенок, сбежал, так кто же возглавит Цзиньивэй?!

Су Ваньжун побледнела. Плотнo сжав губы, она расправила фэйюйфу. Цзян Хуань повернулся, чтобы надеть его, а Су Ваньжун, затягивая пояс, тихо проговорила:

— Раз ты уходишь, то неизвестно, когда сможешь вернуться...

Юньци почувствовал, как сердце сжалось от горечи. Он вздохнул и уже собрался спрыгнуть со стены, чтобы увидеть Цзян Хуаня, но Тоба Фэн схватил его за запястье.

Цзян Хуань взял меч Сючунь и тихо сказал:

— Ваньжун, я пошёл.

Су Ваньжун, укутавшись в рукава из прозрачной ткани, закрыла глаза и осталась стоять в зале. Цзян Хуань вздохнул:

— Настоящий мужчина должен служить на благо родины. Ваньжун, прости, что заставляю тебя страдать.

Су Ваньжун слегка приоткрыла глаза, встретившись взглядом с Юньци и Тоба Фэном, стоящими за оградой.

Юньци вздрогнул и чуть не упал на землю, но увидел, как на губах Су Ваньжун промелькнула лукавая улыбка. Он смутно почувствовал, что что-то вот-вот произойдет.

Цзян Хуань наклонился, одной рукой откинул прядь волос Су Ваньжун и нежно поцеловал её в щёку.

Женщина подняла руку, и её тонкая, нежная ладонь ловко ударила Цзян Хуаня по шее.

Он тут же обмяк.

— Шинян непобедима! — Юньци и Тоба Фэн дружно взмахнули кулаками, подбадривая её.

Су Ваньжун, полуобняв мужчину, сердито бросила:

— Что стоите? Скорее идите сюда помогать!

Благодаря своей боевой подготовке, Цзян Хуань всё ещё сохранял проблеск сознания, поэтому Су Ваньжун тут же схватила стоявшую рядом старинную вазу времён предыдущей династии и со всей силы обрушила её на затылок Лао Цзяна. Раздался оглушительный грохот, черепки разлетелись по полу, и теперь наступила полная тишина.

Су Ваньжун ничуть не удивилась появлению Юньци и сразу же распорядилась:

— Отнеси своего шифу в задний двор и положи в повозку.

— Шинян, а... куда ты собираешься отвезти шифу? — выпрямившись, спросил Юньци.

— Мы возвращаемся в родовое поместье семьи Цзян... — Су Ваньжун торопливо спускалась по лестнице, держа в руках несколько свитков с каллиграфией и картинами, а в другой неся клетку с хохлатой майной*. Она прошла через внутренний двор и спросила: — Водный путь по

реке Циньхуай перекрыт?

* Певчая птица семейства скворцовых. У неё черное оперение с белыми пятнами на крыльях, оранжевый клюв и характерный хохолок на голове.

Юньци ответил:

— Идите вдоль западного канала, я оставил там проход.

Су Ваньжун кивнула, но на её лице всё ещё читалась тревога. Она подхватила собаку и швырнула её в повозку.

— Вам не нужно уходить, — вдруг сказал Тоба Фэн. — Оставайтесь здесь. Когда армия завтра войдёт в город, они не придут в усадьбу семьи Цзян.

Су Ваньжун бросила взгляд на Тоба Фэна и небрежно произнесла:

— Помните, как в тот год мы подделали императорский указ, чтобы выслать Янь-вана из столицы?

— Не уходить? Думаешь, Чжу Ди потерпит в столице человека, который в любой момент может подделать императорский указ? — Су Ваньжун мягко улыбнулась. — На этот раз мне правда придётся уйти.

Су Ваньжун собрала свитки, картины и другие бумаги в один свёрток, подвернула края, а затем достала несколько банкнот и протянула их Тоба Фэну.

— Вот, — улыбнулась женщина. — Сегодня канун Нового года, а шисюнди пришлось весь вечер работать. Вы наверняка устали. Фэн-эр, возьми с собой Юнь-эра и купи в лавке у ворот две порции лапши. Завтра хлопот будет ещё больше.

Тоба Фэн опешил, а Юньци с улыбкой ответил:

— Спасибо, шинян.

— Отныне... — Су Ваньжун, сложив руки в рукава, стояла у заднего двора. Спокойно глядя на снег, кружащийся в небе, она наставляла: — Юнь-эр, когда шинян с шифу уедут, в Цзиньвэй больше не останется никого, кто сможет тебе помочь.

В сердце Юньци похолодело, он почтительно склонился:

— Шинян, ни о чём не беспокойтесь и уезжайте.

Голос Су Ваньжун звучал, словно во сне. Она тихо произнесла:

— Вы с Фэн-эром столько лет жили, поддерживая друг друга, и впредь должны продолжать оберегать друг друга. Чжу Ди — человек непростой, не полагайся на его благосклонность и не зазнавайся.

— Слушаюсь.

— И помни: опасны те заслуги, что превосходят заслуги государя*. Понял?

* Досл. «заслуги подданного превосходят заслуги государя» (□□□□), что вызывает у последнего зависть и ощущение угрозы.

Юньци и Тоба Фэн ответили в один голос:

— Этот ученик понял.

Су Ваньжун протяжно вздохнула:

— Выступление шинян подошло к концу, пора уходить. Су Ваньжун желает командиру Сюй Юньци и генералу Тоба Фэну воинской удачи и процветания. Помните: стремитесь приносить благополучие простому народу.

Сказав это, Су Ваньжун плавно повернулась и грациозно поклонилась. Тоба Фэн тут же потянул Юньци на колени, и они оба трижды почтительно поклонились, коснувшись лбом земли. Затем Су Ваньжун поднялась в повозку, встряхнула вожжи и умчалась прочь.

— Хватит кланяться, шинян уже уехала, — добродушно напомнил Юньци.

Тоба Фэн тихо произнёс:

— Ещё немного... на душе так тяжело.

Уголок рта Юньци дёрнулся:

— Разве мы больше не увидимся? Потом навестим её.

Заметив, что в уголках глаз Тоба Фэна блестят слёзы, Юньци и вовсе испугался и поспешил его

утешить:

— Не горюй, ши-гэ. Пойдём, со всеми делами покончено, поедим лапши.

Тоба Фэн вытер слёзы и сказал:

— Если платить этим за лапшу, боюсь, сдачи не дадут. Отдаю тебе.

Он передал Юньци банкноты, полученные от Су Ваньжун.

Юньци усмехнулся:

— Ши-гэ, ты такой добрый... Ладно, пусть это будет наше общее, я пока их сохраню... Ого, целых пять штук, сколько же шинян нам подарила...

Юньци при свете внимательно осмотрел банкноты. Они были выпущены столичным частным банком «Фулун» и помечены подписью одного из его отделений. На каждой красовались три чётких крупных слова:

— Одна тысяча лянов.

У Юньци тут же пошла пена изо рта, и он повалился без чувств.

В лапшичной толстяка Ду в новогоднюю ночь был занят последний столик. На маленькой жаровне кипела кастрюля со свиной грудинкой, на столе стояли две чашечки и кувшин вина.

— Ши-гэ, как думаешь, в обмен на эти бумажки правда можно получить серебро? — Юньци, держа в руках банкноты, тряс их перед масляной лампой. Он чувствовал, будто внезапно разучился читать.

Тоба Фэн почесал затылок:

— Ты уже несколько раз спрашивал.

Юньци сунул банкноты за пазуху:

— Пойду попробую их обменять.

Тоба Фэн поспешил остановить его:

— Сейчас банк. Не. Работает.

Юньци простонал:

— Я не могу усидеть на месте! А вдруг завтра начнётся хаос, ворвутся войска, и банк ограбят? Что тогда делать!?

Тоба Фэн сказал:

— Разве ты не написал у входа в банк «Фулун» десятки иероглифов «Юнь»... Чего тогда волнуешься? К тому же, это банк с сетью отделений.

Юньци уставился в пустоту, и Тоба Фэн равнодушно произнёс:

— Ах.

Затем он взял палочками кусочек мяса и положил Юньци в рот.

— Пошли вместе с ши-гэ, — вдруг предложил Тоба Фэн. — Деньги у нас есть, дела улажены. Что ещё тебя здесь держит?

Юньци немного помолчал и ответил:

— Ладно. Поедим и пойдём.

Тоба Фэн закрыл глаза, а когда открыл их, в его взгляде промелькнуло нечто нечитаемое. Однако в следующее мгновение он настороженно повернул голову и посмотрел в сторону входа в лапшичную.

Внутри вошёл человек. Его силуэт заслонил собой метель новогодней ночи.

— Редко когда к нам в новогоднюю ночь приходят выпить гости из-за городских стен.

Когда появился этот человек, Юньци и Тоба Фэн тут же насторожились и опустили палочки.

Мужчина, запахнув полы своих одежд, сел. В глазах его играла улыбка:

— Вы не против, если я присоединюсь к трапезе?

Юньци глубоко вздохнул, обменялся взглядом с Тоба Фэном и успокоил его сомнения.

— Прошу, садитесь, — с облегчённой улыбкой ответил Юньци. Слуга принес ещё одну чашку и палочки, и мужчина без лишних церемоний занял место за столом.

Он поднял чашу:

— Могу ли я узнать, как вас зовут, братцы?

— Моя фамилия — Сюй, — спокойно ответил Юньци. — А как ваша фамилия, почтенный брат?

Мужчина на мгновение удивился, затем улыбнулся:

— Фамилия этого простолюдина тоже Сюй. Выходит, мы однофамильцы.

Юньци внимательно оглядел брови мужчины вразлёт и с лёгким вздохом произнёс:

— Однофамильцы! Почтенный брат, могу ли я узнать ваше полное имя?

Мужчина отхлебнул вина и ответил:

— Я — Сюй Хуэйцзу.

Рука Тоба Фэна, державшая чашку, не переставала дрожать. Наконец он заметил сходство между Юньци, этим мужчиной и Сюй Вэнь — их острые как мечи брови резко изгибались к вискам.

Сюй Хуэйцзу не видел своего младшего брата больше десяти лет. В те годы Юньци был ещё ребёнком, а теперь, когда он повзрослел, его внешность изменилась, и Сюй Хуэйцзу, разумеется, не мог его вспомнить.

Последняя встреча со вторым братом произвела на Юньци глубокое впечатление. За эти более чем десять лет облик Сюй Хуэйцзу почти не претерпел изменений, поэтому он узнал его с первого взгляда. Однако кровные узы между братьями давали о себе знать, и Сюй Хуэйцзу всё же почувствовал что-то знакомое. Он спросил снова:

— Могу ли я узнать твое имя, братец? По какому делу ты прибыл в Интяньфу?

Как раз когда Юньци не знал, что ответить, Тоба Фэн перехватил инициативу:

— Братишка, разве ты не собирался обменять серебро?

Юньци на мгновение заколебался, понимая, что Тоба Фэн хочет, чтобы он выбрался из города за помощью, и сказал:

— В таком случае прошу прощения, я отлучусь на время.

С этими словами, не теряя ни секунды, он положил палочки и вышел.

Сюй Хуэйцзу, повидавший на своём веку множество людей, понял, что Тоба Фэн, сидящий перед ним, — настоящий мастер, и позволил Юньци уйти. Он налил себе ещё вина и спросил:

— А как зовут тебя?

Тоба Фэн пристально смотрел на Сюй Хуэйцзу, не отрывая взгляда от каждого его движения. Он насмешливо бросил:

— Рад встрече, второй шурина.

Сюй Хуэйцзу наконец почувствовал неладное и сурово спросил:

— Ты из семьи моей старшей сестры?

Тоба Фэн кивнул:

— Похоже, что так.

Сюй Хуэйцзу прищурился:

— Похоже? Почему же называешь меня вторым шурином?

Тоба Фэн, держа палочки, указал ими в сторону, куда ушёл Юньци, и с полной серьёзностью заявил:

— Ваш младший брат — моя жена, поэтому я называю вас вторым шурином. Тот самый, что только что ушёл...

«...»

Сюй Хуэйцзу был полностью повержен.

Юньци со всех ног мчался по дороге, словно снежный барс в белой ночи. Близилась вторая ночная стража, легкий снежок укрывал главные улицы столицы, и череда следов на пустынных переулках резко выделялась, бросаясь в глаза.

Городские ворота ещё не открылись, от войск Чжу Ди не было никаких вестей, Цзян Хуань уже покинул столицу. Куда же идти за помощью?

Чем дальше тянуть время, тем опаснее. Юньци не знал, сможет ли Тоба Фэн противостоять его второму брату, но если они действительно начнут драться, Тоба Фэн наверняка будет сдерживаться, не осмеливаясь выложиться полностью, а Сюй Хуэйцзу, будучи столичным генералом, не успокоится, пока не схватит или не убьёт Тоба Фэна.

Юньци, остановившись в переулке возле городских ворот, несколько мгновений переводил дыхание и услышал разговор женщины и ребёнка из соседнего дома:

— Папа всё ещё не вернулся... — пролепетал четырёхлетний малыш. — Мама, а мы уже будем лепить пельмени?

Женщина улыбнулась:

— Твой папа во дворце, сопровождает императора. Будь умницей, Фан Юй, сегодня только мы с тобой будем есть пельмени.

— Пельмени с мясом, любишь?

— Пельмени с мясом...

— Да, любишь, Фан Юй?.. — Молодая женщина, лепя пельмени, нежно успокаивала сына.

Фамилия Фан... Семья Фан Сяожу? Юньци обернулся и заглянул внутрь дома. Жилище Фан Сяожу было почти пустым и крайне простым. Новогодний ужин же выглядел более чем скромно. На столе стояла лишь миска с мясной начинкой, а жена раскатывала тесто.

Единственный сын Фан Сяожу, однако, был необычайно симпатичным и очаровательным. Юньци немного понаблюдал за ними. Поняв, что больше нельзя медлить, он достал угольный стержень, написал иероглиф «Юнь» у входа в дом семьи Фан и побежал в сторону императорского дворца.

Позвать на помощь братьев из Цзиньивэй? В голове у Юньци пронеслись десятки мыслей, однако недавнее предательство Чжан Циня заставило его чувствовать себя крайне неуверенно.

Или же убить Юньвэня? Юньци подумал о другом возможном способе: если Юньвэнь окажется в опасности, Сюй Хуэйцзу непременно поспешит обратно во дворец, и это также поможет Тоба Фэну выбраться из западни.

Проклятый Чжу Ди, почему он всё ещё не идёт? Юньци наконец добежал до задних ворот императорского дворца и опёрся о стену. Несколько мгновений он переводил дыхание, в душе горько сетуя: если бы Чжу Ди начал штурм города хоть на минуту раньше, Сюй Хуэйцзу было бы не до них, он обязательно повёл бы войска навстречу врагу, и проблема решилась бы сама собой.

Но об этом некогда было думать, Юньци перелез через дворцовую стену. В нынешней ситуации оставалось только искать выход.

Юньци пригнулся, и в тот миг, когда его парчовые сапоги коснулись земли, взметнулись мириады снежинок, а следом издали позади раздался оглушительный грохот.

Снаряды с воем ворвались в город, и погружённый в сон Цзиньлин в тот же миг пробудился.

Войска Чжу Ди подступили к самым стенам, открыв огонь из тысячи орудий. Начался решающий штурм.

Наконец-то прибыли. Юньци с облегчением вздохнул. Он медленно поднялся, достал угольный стержень и направился ко двору Цзиньвэй.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326100>